

Евстигнеева Мария Евгеньевна,

аспирант, кафедра общего языкознания, Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: mbobyleva93@mail.ru

Политический дискурс – это отражение общественно-политической ситуации в стране и одновременно один из факторов, ее формирующих. Современный российский политический дискурс имеет множество характерных черт, отличающих его и от дискурса прошлых лет, и от дискурса других стран. В частности, на политический дискурс России второй декады 2000х годов, помимо экономических, общественных и других факторов, оказало влияние и такое явление, как достаточно резкий и явный разрыв между поколениями. Проблема «отцов и детей» сегодня приобретает новое измерение с развитием интернета и новых коммуникационных практик, в которых находит свое выражение политический дискурс, оказывающий критически важное влияние на мироощущение молодежи и, соответственно, на общественные процессы. В статье рассматривается современный российский политический дискурс (на материале письменной и устной речи) с точки зрения поколенческого аспекта с целью выявления особенностей его проявлений.

Ключевые слова: политический дискурс, теория поколений, социальные сети, критический анализ дискурса.

Исследование политического дискурса является новой областью лингвистического, социолингвистического знания и, как и само понятие «дискурс» не имеет однозначного определения. Некоторые исследователи (например, Т.А. Ван Дейк [7,8]), рассматривают политический дискурс в строго институциональных рамках, определяя его как дискурс политиков, находящий выражение в текстах официальных документов, распоряжениях, приказах, заявлениях и т.п., имеющий целью осуществление доминирования и поддержание власти. Е.И. Шейгал [6], в свою очередь, предлагает вариант понимания политического дискурса в широком смысле, то есть, как явление, включающее в себя коммуникативные события и широкий контекст, в рамках которых адресат, адресант, предмет или содержание относятся к сфере политики. Компромиссная точка зрения заключается в разграничении узкого и широкого понимания дискурса: узкого как институционального, официального дискурса политиков, и широкого, как неинституционального, включающего различные формы и виды коммуникации, разных субъектов и разные способы передачи информации.

Некоторые исследователи говорят о разделении институционального дискурса и дискурса реагирования, который, в свою очередь, является неинституциональным и в плане содержания представляет собой реакцию на дискурс политика [5].

По нашему мнению, в современном исследовании, касающемся молодого поколения, политический дискурс не всегда возможно исследовать в рамках «институционального/неинституционального», «дискурс политика/дискурс реагирования», потому что и понятие «политик» в сознании молодого поколения подверглось переосмыслению, и сам политический дискурс претерпел значительные изменения, однако в некоторых случаях мы используем данные термины в качестве условных обозначений для удобства и краткости.

Как заметил М.А. Кронгауз, «Политический дискурс – это стихия речи, множество устных и письменных текстов, связанных с политикой» [4, с. 462]. Действительно, понятие политического дискурса в информационную эпоху сильно расширило свое значение и влияние. Развитие Интернета и новых средств коммуникации, таких, как социальные сети, мессенджеры и независимые и «индивидуальные» СМИ (YouTube-каналы и Telegram-каналы) сделали общественную коммуникацию максимально свободной, не поддающейся формальным ограничениям, какой она не была, пожалуй, никогда ранее. Это привело к расширению поля воздействия политического дискурса, что, конечно, значительным образом влияет на его струк-

туру и устройство. Этот контраст особенно заметен на фоне советского политического дискурса и даже дискурса начала 2000х годов. Развитие информационных и коммуникативных технологий дополняется еще одним фактором, а именно, значительным культурным и социальным разрывом между поколениями.

Важность теории поколений для изучения российского политического дискурса обусловлена тем, что основными «носителями», субъектами институционального политического дискурса являются лица на два, и даже на три поколения старше современной молодежи, сформировавшиеся при советском строе и обладающие в силу этих и других обстоятельств особенными представлениями о том, как «говорит» политика (за редким исключением). Таким образом, значительная социальная группа аудитории оказывается вне зоны воздействия институционального политического дискурса, носителями которого являются представители государственной власти. При этом, неинституциональный политический дискурс, субъектами которого являются так называемые представители «несистемной оппозиции» при помощи определенных коммуникативных практик, демонстрируют достаточно высокий манипулятивный потенциал. И, наконец, молодежь постепенно становится субъектом политического дискурса, производя свои собственные прямые или не прямые высказывания в рамках политического дискурса в широком смысле слова.

В современной гуманитарной науке теория поколений чаще всего применяется в сфере HR, управлении персоналом, экономике, маркетинге, рекламе и других. Мы считаем, что концепцию поколений можно применить к вопросам политического дискурса. Как известно, одной из основных функций политического дискурса является воздействие, манипулирование, а осуществление воздействия на аудиторию невозможно без учета образа (портрета) адресата. Особенность исследуемого предмета в том, что политический дискурс является в первую очередь ценностно-ориентированным явлением, апеллирующим к абстрактным концепциям и понятиям, а значит, важность социальных факторов (в том числе, таких как возраст/принадлежность к поколению) при анализе политического дискурса критически высока. Стоит отметить, что в российской гуманитарной мысли поколенческий подход на данный момент не распространен. Согласно Е.Б. Петрушихиной «важность поколенческого разделения общества усиливается в кризисные периоды, когда происходят радикальные социальные трансформации и обостряется проблема «отцов и детей». Признается тот факт, что многие изменения и различия в восприятии явлений обусловлены некими «поколенческими факторами», однако, академические гуманитарные науки редко обращаются к категории поколения» [11]. В различных гуманитарных науках ограниченно применяется теория поколений. Причины этого видятся в сложностях в принятии концепции различ-

ности поколений, определяемых сложившейся советской традицией. Советский союз, как исторический, политический, социальный и культурный феномен просуществовал 70 лет (3,5 поколения). Культурная и идеологическая гомогенность советского общества делала различия между поколениями минимальными. Также однообразен был и политический дискурс (за исключением последнего десятилетия существования Советского союза). С начала 21 века разрыв между поколениями стал фактически непреодолимым – причиной тому развитие технологий, интернета, культурная интеграция, факторы, которые условно можно объединить понятием глобализации в широком смысле этого слова. Также на этот процесс оказало влияние и международные и внутринациональные кризисы. Все это указывает на необходимость учитывать при изучении политического дискурса дополнительное измерение – возрастной (поколенческий) аспект. Е.Г. Борисова в исследовании лингвополитологических аспектов возрастных особенностей языка приходит к следующему выводу: «Известно, что в политической коммуникации принято учитывать различия в интересах и ценностях разных возрастных групп. Различия в языке поколений должны изучаться лингвистикой. Как нам кажется, по аналогии с гендерной лингвистикой это направление можно было бы назвать возрастной или, если есть желание использовать английский корень, эйджинговой (от слова age – «возраст») лингвистикой» [1]. Важно отметить, что проблема различия поколений существенно шире, чем ее принято традиционно представлять, так как в современном мире различия поколений могут выражаться в обострении социально- и политически окрашенных конфликтов. Кроме того, поколение представляет собой достаточно сложную, многокомпонентную и трудноопределяемую категорию.

Теория поколений изначально была разработана американскими социологами У. Штраусом и Н. Хоувом и основана на анализе четырёхчастного поколенческого цикла и повторяющихся моделях поведения. В России адаптацией данной теории занимается Е. Шамис (проект RuGenerations). Когда мы в самом общем смысле говорим о «молодом поколении», речь идет о трех (точнее, двух с половиной) поколениях: о «миллениалах» (род. в период с 1985 по 2002), о «поколении z» (род. в период с 2003 по 2023), и «пограничниках», пограничном поколении, которое впитало в себя ценности двух «соседних». Границы поколений определяются экономическими циклами, стадией развития технологий и иными обстоятельствами, при которых сформировалась данная возрастная группа [9], а само поколение характеризуется определенными чертами, которые присущи только ему и отличают его от других поколений. В частности, считается, что миллениалы и поколение z формировались в эпоху экономических кризисов и спадов, глобальной неопределенности, а также стремительного развития технологий, что проявляется,

в том числе, в их реакциях и запросах по отношению к окружающему миру.

Для понимания процессов воздействия инструментов политического дискурса на «молодое поколение», следует применить теорию поколений как к дискурсу «реагирования» представителей данного поколения, так и к политическому дискурсу, «производителями» которого оно является.

Как уже было сказано, главная особенность современного политического дискурса заключается в том, что он вышел за пределы формального, институционального взаимодействия и реализуется порой в принципиально новых форматах, использует новые приемы, либо уже давно известные, но в иных контекстах.

Приведем лишь несколько наиболее ярких примеров лингвистических проявлений современного политического дискурса с точки зрения его производства и восприятия молодежной аудиторией, а также с точки зрения его воздействующего потенциала как инструмента социальной власти [2].

Если говорить о политическом дискурсе в плане восприятия его молодежью, можно наблюдать следующий эффект: переворачивания смысла высказывания (слова, словосочетания). Данный эффект происходит как в сторону пейорации (негативной интерпретации изначально позитивного понятия), так и мелиорации (позитивной интерпретации изначально негативного понятия). Самыми яркими примерами этого явления являются слова *духовные скрепы* и *иностраный агент* соответственно. Первое упоминание словосочетания «духовные скрепы» в современном политическом дискурсе датируется 2012 годом, когда его упомянул в послании Федеральному Собранию президент Российской Федерации Владимир Путин. После этого последние 5–10 лет это выражение используется молодежью, и в частности в интернете, в ироническом ключе, как минимум, а зачастую в откровенно негативном.

Еще более интересная ситуация произошла со словосочетанием «иностраный агент». Изначальный смысл данного выражения таков: статус «иностранного агента» присваивается организациям/юридическим лицам, чья деятельность финансируется из иностранных источников. То есть, это термин (что характерно, изначально нейтральный, не имеющий ни позитивных, ни негативных коннотаций и оценочных смыслов), введенный в юридическую практику (как правило, используется в отношении СМИ, а также общественных организаций) для обозначения факта финансирования организации из внероссийского бюджета. Однако, путем частого использования этого выражения чиновниками и политиками в негативном контексте, практически наряду с такими обозначениями как «экстремистская организация», «организация, запрещенная на территории Российской Федерации», слово приобрело негативные коннотации во властном политическом дискурсе. Одновременно с тем, как словосочетание приобрело негативные коннотации в устах представите-

лей государственной власти, для многих представителей молодежи это стало «сигналом» к позитивному восприятию этого статуса, они стали воспринимать его как гарантию качества и доверия. Особенно это заметно по комментариям к этой новости относительно интернет-издания «Медуза» [12]. Кроме того, некоторые рассматривают «иностранного агента» как современный эвфемистичный аналог «врага народа», наряду с «раскачиванием лодки/обстановки/ситуации» вместо «протеста», «хлопками» вместо «взрыва», «провокацией» и другими абстрактными формулировками для описания политически окрашенных событий.

Использование эвфемизации в политическом дискурсе – распространенное явление, однако исследование ее мотивации в широком контексте может способствовать пониманию некоторых общественно-политических процессов. Например, во время протестных акций в январе 2021 года (где подавляющее количество участников составляла молодежь), в социальных сетях (в основном, TikTok и Instagram) вместо слова «митинг» часто использовались слова «прогулка» и «гулять»: вместо призыва/вопроса «идем на митинг 23 января (?)» встречались фразы «идем гулять 23 января», «прогулка 23 января». С одной стороны, целью использования такого эвфемизма было стремление подчеркнуть мирный характер протестных акций, с другой, возможно, у протестующих, в большинстве своем осведомленных о механизмах работы социальных сетей, были опасения по поводу автоматизированных средств анализа больших данных в социальных сетях, которые могли бы распознать тех, кто собирается на митинг, по ключевым словам/тегам. В общем-то, и само слово «митинг» является эвфемизмом. Обозначая в английском нейтральное «встреча», в качестве калькированного заимствования в русском языке «митинг» в 80-х – 90-х годах приобрел значение протестной акции, возможно, еще и потому, что слово «демонстрация» ассоциировалось с советской властью и демонстрациями рабочих, а слово «протест» на фоне казалось слишком «жестким». Также возможно, что слово «прогулка» использовалось для того, чтобы подчеркнуть масштабность акции: так как слово «прогулка» в нейтральном значении является привычным времяпрепровождением большинства людей, создается иллюзия, что «гуляют» (= протестуют) все.

Диалог с молодежью сегодня является одним из приоритетов представителей государственной власти и осуществляется в различных форматах: как он-лайн, так и офф-лайн. Яркими примерами этого диалога могут служить встречи политиков с молодежью в рамках различных молодежных форумов и конференций, а также встречи, приуроченные к каким-либо значимым событиям или праздникам. В частности, одним из последних примеров прямого диалога представителя власти служит он-лайн встреча В.В. Путина со студентами, приуроченная к Дню студента 25 января 2021 года [13]. В частности, интересен эпизод с вопро-

сом студента о предполагаемом наличии у президента дворца в Геленджике, на что президент даёт сначала ясный и конкретный ответ: «Смотрите, я не смотрел этого фильма, просто за отсутствием свободного времени для просмотра такой информации, но листал видеоподборки, которые мне помощники принесли. Сразу хочу ответить на Ваш вопрос: ничего из того, что там указано в качестве моей собственности, ни мне, ни моим близким родственникам не принадлежит и никогда не принадлежало. Никогда. Это первое», что имеет целью сразу создать у аудитории однозначное отношение к данному вопросу, после чего объясняет свою позицию в достаточно абстрактных формулировках. Первая часть ответа, по большому счету, достаточно ясно выражает позицию президента к этой теме, в частности, использование достаточно разговорного «листал видеоподборки». В данном случае интересно также обратить внимание на интонационный рисунок высказывания, а именно, на выделение части «ничего из того, что там указано», что говорит, скорее всего о демонстративном, нарочитом выражении равнодушия к тому, о чем говорилось в фильме, либо же о намеренной провокации для дальнейших обсуждений на тему того, чего в фильме указано не было. Так или иначе, интересен также и сам факт общения с молодежью на эту тему. С точки зрения широкого контекста, общение с молодежью на тему «дворца» может быть вполне удачным «политтехнологическим ходом», особенно с учетом того, что это был первый раз, когда президент прокомментировал данные события. Кроме того, важно учитывать тот факт, что, с точки зрения узкого контекста, данный эпизод выбивался из повестки встречи: ее предметом были проблемы студентов, вопросы, касающиеся образования и студенческой жизни, и вопрос про дворец был обозначен самим студентом как «личный» [13], а ответ президента, как в плане выражения, так и в плане содержания, может служить имплицитным выражением доверия, знаком доверительных, откровенных отношений с данной аудиторией, что отвечает запросу молодежи на искренность и честность политических лидеров и говорит о понимании (как минимум, декларируемом) интересов молодежи и ее обеспокоенности вопросами коррупции.

Что касается принципиально новых форматов политического дискурса, производимого молодежью и публикуемого в социальных сетях – то интересным предметом исследования являются мемы, каламбуры, шутки и другие виды лингвистического творчества в интернете. Социальные сети во многих случаях играют роль своеобразного «кривого зеркала»: здесь политический дискурс представляет собой пространство юмора, иронии, и, самое главное, открытой дискуссии без цензуры. Интернет-мемы характеризуются краткостью, эмоциональностью, юмористической направленностью, полиmodalностью, и, зачастую, острой социальной актуальностью. В качестве одного из примеров можно привести запись в одном

из популярных молодежных сообществ в социальной сети Вконтакте от 21.04.2021:

- « Коротко о Послании Путина:
- Деньги беременным и школьникам
 - Кешбэки на детские лагеря и туры по России
 - Медицину – развиваем, заводы – строим
 - С Ковидом – справляемся, вакциной – гордимся
 - Молодежи – помогаем, Туризм – развиваем
 - Пару ядерных тузов в рукаве – имеем, новые – в разработке
 - Со всеми дружим, но наезжать на себя не дадим» [11].

Данный пример и подобные ему короткие юмористические записи в социальных сетях выражает запрос молодежи на ясность и четкость формулировок официального властного дискурса, что, возможно, является частью ценностей и принципов, характерных для молодого поколения, сформировавшегося в эпоху неопределенности. Для отдельного рассмотрения интересен также интернет-мем про «комнату грязи» (возможно, связанный с некорректным переводом слова «mudroom») который стал вирусным среди молодой аудитории [14], что может служить, с одной стороны, примером стремления к юмористическому осмыслению действительности и высмеиванию политических (и околополитических) событий, а, с другой, попыткой манипулирования общественным сознанием.

В целом, на основании рассмотренных примеров можно сделать предварительные выводы о том, что, во-первых, наиболее репрезентативным пространством и достоверным материалом для исследования современного политического дискурса в поколенческом аспекте является интернет и социальные сети, а также коммуникативные ситуации прямого диалога представителей власти с молодежью, а, во-вторых, что у современного поколения молодежи существует запрос на конкретность, четкость и понятность выражений и формулировок в политическом дискурсе старшего поколения в силу того, что сами поколения «миллениалов» и «z» сформировались в эпоху глобальной неопределенности и мировых кризисов (экономических, культурных, этических). Тенденция к искажению смыслов и значений, при этом, наблюдается не только в дискурсе власти, что уже является классикой критического анализа дискурса и теории воздействия, но и в дискурсе «реагирования» – неинституциональном политическом дискурсе, субъектом которого является молодое поколение в том числе. Также, есть достаточные основания говорить об изменениях в некоторых положениях, методах и подходах критического анализа дискурса, так как в условиях господства современных средств коммуникации и тотальном расширении поля воздействия, форматов и средств выражения политического дискурса, понятия «власти», «доминирования», и «доступа» [7, 8] требуют переосмысления. Кроме того, следует отметить важность проведения более

детального анализа интернет-мемов как значимого лингвистического феномена, присущего современному поколению молодежи и являющегося одним из видов «языковых игр», используемых с целью осмысления действительности, что имеет важное значение с точки зрения как социолингвистики, культурологии, так и когнитивистики.

Литература

1. Борисова, Е.Г. Лингвополитологические аспекты возрастных (эйджинговых) особенностей языка / Е.Г. Борисова // Политическая лингвистика. – 2020. – № 1 (79).
2. Блакар Р.М. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия: Переводы/Сост. В.М. Сергеева и П.Б. Паршина; Общ. ред. В.В. Петрова. М.: Прогресс, 1986.
3. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Москва: URSS ЛКИ, 2012.
4. Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. М.: АСТ: CORPUS, 2019, 512 с.
5. Перельгут Н.М., Сухоцкая Е.Б.. О структуре понятия «политический дискурс» // Вестник Нижневартковского государственного университета, № 2, 2013.
6. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: Монография. Волгоград: Перемена, 2000.
7. Dijk T.A. van. Principles of critical discourse analysis // Discourse and Society, Vol. 4, № 2, 1993.
8. Dijk T.A. van. What is political discourse analysis? // Political linguistics / Blommaert J., Bulcaen Ch. (eds.). Amsterdam, 1998.
9. <https://rugenations.su/2019/10/23/o-pokolenii-z-straxah-i-agressii-dvadsca/>, дата обращения: 18.05.2021.
10. <https://cyberleninka.ru/article/n/pokolencheskiy-podhod-v-gumanitarnyh-naukah/viewer> (Материалы круглого стола «Поколенческий подход в гуманитарных науках»), дата обращения: 15.05.2021.
11. https://vk.com/mudakoff?w=wall-57846937_39288661, дата обращения: 18.05.2021.
12. https://www.instagram.com/p/COLNfm9hM_2/?utm_medium=copy_link, дата обращения: 16.05.2021.
13. <https://www.youtube.com/watch?v=jgJxKl1ae-w>, дата обращения: 16.05.2021.
14. <https://tjournal.ru/internet/326750-glavnyy-mem-o-dvorce-putina-sklad-gryazi-no-v-socsetyah->

sporyat-est-li-on-ili-problema-v-perevode, дата обращения: 16.05.2021.

ON MODERN POLITICAL DISCOURSE FROM THE GENERATIONAL PERSPECTIVE

Evstigneeva M.E.

Saint-Petersburg State University

Political discourse is a reflection of the socio-political situation in the country and at the same time one of the factors that shape it. Contemporary Russian political discourse has many characteristic features that distinguish it both from the discourse of past years and from the discourse of other countries. In particular, in addition to economic, social and other factors, the political discourse of Russia in the second decade of the 2000s was influenced by such a phenomenon as a rather sharp and obvious gap between generations. The classic problem of “fathers and children” today acquires a new dimension with the development of the Internet and new communication practices, in which political discourse finds expression, which has a critical impact on the attitude of young people and, accordingly, on social processes. The article attempts to examine contemporary Russian political discourse (based on written and oral speech) from the point of view of the generational aspect and to identify some linguistic features of its manifestations.

Keywords: political discourse, generational theory, social media, critical discourse analysis.

References

1. Borisova, EG Linguo-political aspects of age (aging) peculiarities of the language / EG Borisova // Political linguistics. – 2020. – No. 1 (79).
2. Blakar R.M. Language as an instrument of social power // Language and modeling of social interaction: Translations / Comp. V.M. Sergeev and P.B. Parshina; Common ed. V.V. Petrov. Moscow: Progress, 1986.
3. Issers O.S. Communicative strategies and tactics of Russian speech. Moscow: URSS LKI, 2012.
4. Krongauz M.A. The Russian language is on the verge of a nervous breakdown. M.: ACT: CORPUS, 2019, 512 p.
5. Perelgut NM, Sukhotskaya EB .. On the structure of the concept of “political discourse” // Bulletin of Nizhnevartovsk State University, No. 2, 2013.
6. Sheigal E.I. Semiotics of Political Discourse: Monograph. Volgograd: Change, 2000.
7. Dijk T.A. van. Principles of critical discourse analysis // Discourse and Society, Vol. 4, no. 2, 1993.
8. Dijk T.A. van. What is political discourse analysis? // Political linguistics / Blommaert J., Bulcaen Ch. (eds.). Amsterdam, 1998.
9. <https://rugenations.su/2019/10/23/-generation-z-fears-andaggression-20/>, date of access: 05/18/2021.
10. <https://cyberleninka.ru/article/n/pokolencheskiy-podhod-v-gumanitarnyh-naukah/viewer> (Materials of the round table «Generational approach in the humanities»), date of access: 05/15/2021.
11. https://vk.com/mudakoff?w=wall-57846937_39288661, date of access: 05/18/2021.
12. https://www.instagram.com/p/COLNfm9hM_2/?utm_medium=copy_link, date accessed: 16.05.2021.
13. <https://www.youtube.com/watch?v=jgJxKl1ae-w>, date accessed: 16.05.2021.
14. <https://tjournal.ru/internet/326750-glavnyy-mem-o-dvorce-putina-sklad-gryazi-no-v-socsetyah->